

Денежная теория и крушение золотого стандарта

Владимир БУРЛАЧКОВ

Профессор Академии труда
и социальной политики
Российской Федерации,
доктор экономических наук

Отказ от золотого обращения в период Первой мировой войны подтолкнул теоретиков к осмыслению роли неразменных на металл бумажных денег. Исследования на эту тему оказались особенно востребованными после окончательного краха в 30-е годы золотослиткового и золото-девизного стандартов. Одной из наиболее актуальных макроэкономических

проблем стало определение количества денег, необходимых для обращения. В отличие от золотого обращения количество бумажных денежных знаков должно было определяться непосредственно денежными властями. Регулирование денежной массы превратилось в функцию государственной политики. В этом смысле Дж. Кейнс говорил о закате эпохи *laissez-faire*.

С новым взглядом на денежную теорию в 1935 г. выступил Дж. Хикс. Пересмотр классической трактовки роли денег в экономике и количественной теории денег содержался также в знаменитой “Общей теории занятости, процента и денег” Дж. Кейнса, опубликованной в 1936 г.

Дж. Энджелл и К. Варбуртон в ответ на кейнсианскую доктрину сформулировали в конце 30-х — начале 40-х годов основные постулаты монетаризма.

Остановимся более конкретно на главных этапах реформирования денежной теории в 20-х и 30-х годах XX в.

Период глобального пересмотра классического учения о деньгах и активной критики металллизма, видимо, начался с книги М.И. Туган-Барановского “Бумажные деньги и металл”, опубликованной в 1919 г. В этой работе был подробно проанализирован опыт обращения неразменных бумажных денег, прежде всего в Австрии. Под влиянием этого опыта М.И. Туган-Барановский пересмотрел свои прежние металлстские воззрения и констатировал, что создание устойчивого бумажно-денежного обращения возможно [1, 43].

М.И. Туган-Барановский был известен, в том числе в Европе, своими работами об экономическом цикле. На него ссылался, в частности, Дж. Кейнс в своей “Общей теории...”. Вероятно предпо-

ложить, что его работа о бумажных деньгах получила определенный резонанс.

С обоснованием необходимости отказа от золотой валюты и перехода к бумажному обращению в 1921 г. выступил Г. Кассель [2, 73]. Он высказал мнение, что потребность в золоте при металлическом обращении потребует увеличения добычи этого металла в размере 3% в год [2, 73]. Г. Кассель считал, что увеличение добычи золота такими темпами маловероятно. Но меньшие темпы производства неизбежно вызовут процесс дефляции, а это сильно ударит по экономике.

Цикл оригинальных работ по денежной теории и политике опубликовал в 20-е годы в России А.А. Соколов. Им, в частности, была выдвинута концепция скорости денежного обращения. А.А. Соколов допускал теоретическую возможность создания устойчивого бумажного обращения [3, 106]. Он считал неразменные бумажные деньги неизбежным этапом развития денежного обращения [4, 63—64]. Система бумажной валюты, по его мнению, должна регулироваться средствами валютной политики. Он утверждал, что “бумажные деньги являются символом не мысленно представляемого металла, а той исторически сложившейся и затем постоянно перестраиваемой системы меновых пропорций, в которой отражается денежная единица” [4, 62].

По мнению А.А. Соколова, в условиях бумажного обращения денежная политика является инструментом достижения целей народнохозяйственной политики [3, 9]. Он видел связь между процентной ставкой и выпуском денег [3, 36], а эмиссию считал полезной лишь в рамках, препятствующих дефляции [3, 35]. Под инфляцией

А.А. Соколов понимал такое изменение пропорций между денежной и товарной массой, которое приводит к повышению общего уровня цен [3, 12].

В работах А.А. Соколова много внимания было уделено основам денежной политики. При ее проведении необходимо руководствоваться не только динамикой валютного курса и индекса товарных цен, но и принимать во внимание динамику выпуска продукции, товарных запасов и банковских депозитов.

Интересны общие выводы А.А. Соколова относительно возможностей такой политики. Он констатировал: “1) никаких абсолютных принципов и критериев денежно-кредитной политики не существует; все эти критерии условны и относительны; 2) несмотря на условность и относительность критериев денежно-кредитной политики, они при достаточно умелом пользовании ими и при выполнении их наблюдением над хозяйственной конъюнктурой дают все же достаточно твердую основу для регулирования эмиссии и кредита” [3, 3]. Несмотря на все достижения денежной теории, эти выводы сохраняют свое значение до настоящего времени.

Важные результаты для теории денег получены в эмпирических работах 20-х годов XX в.

С.Г. Струмилина по денежному обращению. Им, в частности, впервые была установлена относительная стабильность скорости денежного обращения, а также закономерности скорости обращения и спроса на деньги в условиях инфляции [5] (см. гл. VII). Выводы С.Г. Струмилина были впоследствии подтверждены в работах Дж. Энджелла (1929 г.).

Существенным продвижением в развитии денежной теории стал “Трактат о денежной реформе” (1923 г.) Дж. Кейнса. Основными тезисами автора были:

1. “...золотой стандарт является только варварским пережитком прошлого” [6, 93]. (Подобное ранее утверждал С.Ф. Шапоров.)
2. “Свободное от металла, регулируемое мерило ценности незаметно прокралось к нам. Оно существует” [6, 94].
3. “...мы должны освободиться от недоверия к регулированию ме-

рила ценности путем сознательных мероприятий” [6, 24].

4. При золотом обращении золотой запас лежит без пользы и не может применяться для выравнивания платежного баланса [6, 103].

Интересно, что Дж. Кейнс отрицательно отнесся к идее создания международного золотого стандарта. Он мотивировал это тем, что к тому времени основной запас золота сконцентрировали США. “Было бы безответственным шагом, — писал Дж. Кейнс, — при современных условиях нашу свободу торговли предоставлять на усмотрение Федеральной резервной системе США” [6, 95].

Но главный вывод “Трактата о денежной реформе” состоял в следующем: “...при господствующей социальной организации в области денежной политики нельзя рекомендовать принцип *laissez-faire*”. Этот тезис был развит Дж. Кейнсом в статье “Конец *laissez-faire*” (1926 г.) [7]. Ее название говорило само за себя. После Первой мировой войны европейские страны перешли от золотого обращения к бумажно-денежному. В этих условиях некий общественный институт должен был взять на себя определение количества денег в экономике. Разумеется, сделать это могло только государство. Поэтому крах золотых денег — это крах *laissez-faire* в точном смысле данного понятия. Государство превращалось в необходимого и обязательного участника экономических процессов.

Считается, что история либерализма началась именно со слов “*Laissez faire!*” (“Дайте дело делаться!”), произнесенных купцом Лежендром в ответ на вопрос министра финансов Франции Ж.-Б. Кольбера: “Чем я могу вам помочь?”. Впрочем, беседа купца и министра состоялась почти через пятьдесят лет после выхода книги маркиза д’Арженсона, в которой *laissez-faire* формулировалась как политическая доктрина [7, 18]. Дж. Кейнс высказал парадоксальное мнение об истоках этой доктрины. Он видел в ней синтез идей индивидуализма (Дж. Локк, Д. Юм) и всеобщего равенства (Ж.-Ж. Руссо). Причем последние отождествлялись им с социалистическими идеями. Поэтому, по Дж. Кейнсу, принцип *laissez-faire* гар-

монизировал индивидуализм и социализм [7, 11].

Дж. Кейнс не относил к сторонникам доктрины либерализма А. Смита. Он считал, что знаменитая “невидимая рука” более связана с воззрениями А. Смита на “порядок в мире и исходит из его “Теории моральных чувств”, а не из доктрины *laissez-faire*” [7, 20]. В подтверждение проводилось отношение А. Смита к навигационному законодательству и законам против ростовщичества.

По мнению Дж. Кейнса, государство не должно выполнять в экономике функции, которые взял на себя частный бизнес. Но ему следует брать на себя те функции, выполнять которые некому. В частности, это касалось регулирования денежного обращения. Главная цель, которую ставил Дж. Кейнс, — “улучшение капитализма путем совместных действий” [7, 50].

Опубликованный в 1930 г. двухтомный “Трактат о деньгах” Дж. Кейнса обычно называют работой, в которой подведен итог развития денежной теории, по крайней мере, за столетие. После выхода в свет “Трактат...” активно обсуждался в экономической литературе, но впоследствии оказался в тени самой известной из работ Дж. Кейнса — “Общей теории занятости, процента и денег”.

В судьбе “Трактата о деньгах” отразилась едва ли не фундаментальная особенность макроэкономической теории; она редко угадывает направления развития экономической системы, а чаще обобщает и объясняет накопленный практический опыт. Экономическая теория основывается на состоявшихся экспериментах, как, к слову сказать, и медицина. Экономисты-теоретики редко могут похвастаться открытиями, сделанными “на кончике пера”, как иногда бывает в физике. Впрочем, вполне может быть, что физики-практики более внимательны к писаниям теоретиков, чем практики-экономисты.

“Трактат о деньгах” был опубликован в переломный момент развития учения о деньгах. В конце 30-х годов развитые страны пытались заменить отмененный в 1914 г. золотой стандарт (т. е. денежную систему со свободным разменом бумажных денег на золото)

на золото-слитковый или золото-деви́зный стандарт. При золото-слитковом стандарте размену на золото подлежали лишь очень крупные суммы бумажных денег. При золото-деви́зном стандарте бумажные деньги оставались неразменными, но их конвертируемость в другие валюты обеспечивалась по курсу, устанавливаемому валютными властями. Наличие переходных, по сути дела, денежных систем отразилось на предложенной Дж. Кейнсом в “Трактате о деньгах” теоретической классификации видов денег.

Дж. Кейнс начинает свой анализ с разделения “собственно денег” и “счетных денег”. Первые — средства обращения; вторые — измерители [8, vol. 1; 5—6]. На определенной стадии развития цивилизации право создания как “собственно денег”, так и “счетных денег” в законодательном порядке закрепляет за собой государство. Так появляются “государственные деньги”. С развитием кредита на основе банкнотного обращения появляются “банковские деньги”. Первоначально они эмитируются на основе частного долга. Впоследствии их выпуск начинает регламентироваться государством. Они становятся разновидностью “государственных денег”. Именно этот вид денег, по Дж. Кейнсу, господствует в развитом обществе.

“Государственные деньги” принимают три формы: 1) товарные; 2) декретные (fiat); 3) управляемые [8, vol. 1; 7].

Первая форма — используемые в качестве денег товары, обладающие таким свойством, как редкость. Вторая форма — неразменные на благородные металлы бумажные деньги, имеющие принудительный курс. Третья форма — бумажные деньги, не разменные на металл и регулируемые государством. Дж. Кейнс специально отмечал, что развиваемая в “Трактате о деньгах” теория относится к управляемым деньгам [8, vol. 1; 8].

Покупательная сумма денег, по Дж. Кейнсу, зависит от их количества [9, vol. 1, 93]. Но, повторяя этот старый тезис, Дж. Кейнс уточнил, что стабильность покупательной силы денег в конечном счете определяется соотношением “инвестиции — сбережения” [8, vol. 1; 136]. Его роль чрезвычайно

велика. Соотношения “инвестиции — сбережения” и “деньги — иены” характеризуют условия сбалансированности экономической системы [8, vol. 1; 147]. Но сбережения могут не привести к соответствующему уровню инвестиций [8, vol. 1; 179]. Такая возможность — основная проблема практической экономики. Это один из тех вопросов, которые были поставлены в “Трактате о деньгах” и получили впоследствии развитие в “Общей теории...”.

Но уже в “Трактате о деньгах” Дж. Кейнс отмечает, что, изменяя уровень процента, банковская система может изменять условия сбалансированности в экономике [8, vol. 1; 153—154], или, говоря точнее, определять совокупные расходы на производство [9, vol. 1; 182]. Дж. Кейнс рассматривал в качестве одного из условий сбалансированности соответствие темпа роста денежной массы темпу увеличения объема производства [8, vol. 1; 258]. Впоследствии это соответствие получило название “денежного правила” и по распространенному заблуждению считается одним из открытий монетаризма.

Развитие декретных денег создало, по мнению Дж. Кейнса, представления о возможностях широкого использования кредита для обеспечения максимальной вовлеченности факторов производства в производственный процесс. Речь шла о том, что в условиях бумажного обращения банки могут создавать денежную массу, способную обеспечить максимально возможные масштабы производства и одновременно не допустить инфляцию. Дж. Кейнс считал эти взгляды несостоятельными по одной причине: если инвестиции превысят сбережения, это отразится на уровне цен [8, vol. 2; 220].

Взгляды Дж. Кейнса и его сторонников на роль государства в экономике вызвали неприятие у такого авторитетного чикагского экономиста, как Г. Саймонс. Опубликованная им в 1934 г. работа называлась “Позитивная программа для laissez-faire: некоторые предложения для либеральной экономической политики”. Г. Саймонс писал: “Реальные враги свободы в этой стране — наивные защитники регулируемой экономики или национального планирования; но

мы должны согласиться с ними в одном жизненно важном моменте, а именно: в необходимости твердой, положительной программы экономического законодательства” [10, 41].

Преодоление Великой депрессии Г. Саймонс видел не в “свободе без берегов”, а в установлении “правил игры”. “Хорошее функционирование системы свободного предпринимательства предполагает, — отмечал он, — эффективное выполнение фундаментальной функции правительства, а именно: регулирования средства обращения (денег)” [10, 54]. В этом вопросе сторонник laissez-faire был полностью согласен со своим основным оппонентом.

Г. Саймонс считал главным врагом демократии монополии [10, 43]. Ограничение монополий он предлагал достичь: 1) через меры по поддержке конкуренции; 2) “через постепенный переход в собственность и управление правительства всех отраслей промышленности, где конкуренция не может обеспечиваться с помощью контроля” [10, 57]. В частности, он говорил о необходимости “социализации” железных дорог и коммунального хозяйства [10, 57—58].

Вот какими методами сторонники laissez-faire предлагали защитить систему свободного предпринимательства в условиях глубочайшего экономического кризиса 30-х годов.

Еще одно радикальное предложение Г. Саймонса состояло во введении 100% нормы банковских резервов на депозиты. Это означало, что резервы конкретного банка должны были равняться сумме принятых этим банком депозитов [10, 64]. По мнению Г. Саймонса, такая мера позволила бы обеспечить абсолютную стабильность денежной единицы. Он также предлагал национализировать федеральные резервные банки для обеспечения управляемости банковской сферы [10, 62].

Г. Саймонс, видимо, был первым, кто объяснял депрессию 30-х годов резким сжатием денежной массы [10, 74]. Этот тезис стал впоследствии характерным для монетаризма.

В статье 1936 г. “Правила в противовес властям в денежной политике” Г. Саймонс развил мно-

гие положения своей предыдущей работы. В частности, он выступил против свободы действий властей в сфере политики. Он считал, что всякие действия правительства должны ограничиваться законодательно устанавливаемыми правилами. “Система частного предпринимательства, — писал Г. Саймонс, — не может эффективно функционировать в условиях огромной неопределенности относительно действий денежных властей или относительно денежного законодательства” [10, 161].

Этапной для учения о деньгах стала публикация в 1935 г. статьи Дж. Хикса “Предложение по упрощению денежной теории” [11].

Дж. Хикс посчитал тупиковым путем попытки развития денежной теории на основе представлений, отражаемых “уравнением обмена” И. Фишера, поскольку это уравнение содержит тавтологию. По его мнению, перспективным направлением для учения о деньгах должно стать соединение доктрины предельной полезности с предложенным А. Пигу и А. Маршаллом пониманием роли “реальных кассовых остатков”, т. е. денег, которые хозяйствующие субъекты временно изымают из обращения.

Таким образом, речь шла о разработке представлений о спросе на деньги на основе теории потребительского выбора [11, 3]. Суть рассуждений Дж. Хикса сводилась к следующему. Каждый хозяйствующий субъект решает вопрос о том, каким запасом денег он должен располагать, исходя из оптимизации своего инвестиционного портфеля. Если хозяйствующий субъект ожидает рост дохода от

вложений в ценные бумаги, он сведет средства на своем банковском счете к минимуму. Тем самым неизбежно сократится его индивидуальный, а следовательно, и совокупный спрос на деньги. Прежде чем снизить свой денежный запас, хозяйствующий субъект должен учесть будущую потребность в платежах, ожидаемый уровень доходности альтернативных активов, затраты на их приобретение. Чем выше эти затраты, а также риск будущих капиталовложений, тем больше денег не будет инвестировано. Чем больше кассовые остатки, тем выше будет спрос на деньги. И наоборот, чем меньше затраты и риски альтернативных вложений, тем ниже спрос на деньги [11, 10].

Высказанные Дж. Хиксом представления были положены в основу моделей спроса на деньги, составивших целую эпоху развития денежной теории. Эти представления имеют серьезный изъян. Из них вытекает, что решения хозяйствующих субъектов о предпочтительном для них уровне кассовых остатков определяют денежный спрос. Но в данном случае запас денег в экономике оказывается независимым от потребностей хозяйственного оборота. Получается, что оборот должен подстраиваться под решения хозяйствующих субъектов относительно их кассовых остатков. При таких допущениях вполне реальной представляется ситуация, когда денежная масса превышает потребности экономики, но не влияет на цены, поскольку излишек удерживается хозяйствующими субъектами. Такая ситуация возможна только при золотом об-

ращении. Важно и другое: деньги, размещенные даже в депозит до востребования, автоматически включаются в кредитные ресурсы и оказывают влияние на совокупный спрос.

Ценность кассовых остатков конкретного субъекта в том, что на них предъявляется спрос другими хозяйствующими субъектами. Доходность этих остатков и их способность не обесцениваться зависит от соответствия совокупной денежной массы потребностям хозяйственного оборота. Следовательно, именно это соответствие, а не решения индивидов, определяет спрос на деньги.

Любопытно, что поставив во главу угла решения индивидов о кассовых остатках, Дж. Хикс попадает в противоречие: у него получается, что даже при росте общественного богатства, неизбежно связанного с увеличением сделок в экономике, спрос на деньги из-за решений индивидов может снижаться [11, 16].

Наряду с этими теоретическими направлениями авторы значительного числа работ по денежным проблемам продолжали отстаивать необходимость золотого обращения и рассматривали бумажные деньги лишь как суррогат, заменитель “полноценных” денег. По логике их рассуждений получалось, что денежная система не в состоянии развиваться, а может лишь деградировать. Подобные взгляды встречаются до настоящего времени.

Источники:

1. Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. — Одесса; М.: Русская культура, 1919.
2. Кассель Г. Инфляция и валютный курс. — М.: Эльф-пресс, 1995.
3. Соколов А. А. Основные принципы денежно-кредитной политики. — М.: Фин. изд-во, 1927.
4. Соколов А. А. Проблемы денежного обращения и валютной политики. — М.: НКФ, 1923.
5. Струмилин С. К денежной реформе // Плановое хозяйство. № 3. 1924.
6. Кейнс Дж. Трактат о денежной реформе. — М.: Экономическая мысль, 1925.
7. Keynes J. The End of Laissez. — Faire. — L.: L. and V. Woulf, 1926.
8. Keynes J. A Treatise on Money. — London: Macmillan and Co. Vol. I., II. 1930.
9. Лескис В. Кредит и банки. — М.: Перспектива, 1994.
10. Simons H. Economic Policy for Free Society. — Chicago: The University of Chicago Press, 1948.
11. Hicks J. A Suggestion for Simplifying the Theory of Money // *Economica*. New series. № 5. February 1935.